

Нина Дашевская

Квартетные сказки

художник
Юля Сиднева

Квартетные сказки

Нина Дашевская

Нина Дашевская

Квартетные сказки

художник Юля Сиднева

Москва

Самокат

От автора

М

ногие истории появляются в дороге — и эта тоже.

Мы ехали из Тулы — с прекрасного книжного фестиваля — в Москву. Там, в электричке-ласточке, мы и познакомились.

Не с историей, а с рассказчицей. С актрисой Анной Куненковой-Боголюбской, которая играет спектакли, а ещё читает сказки с квартетом.

— С каким квартетом? — спросила я.

Сейчас мне кажется, что я тогда уже обо всём догадалась.

— С фортепианным квартетом имени Ипполитова-Иванова.

— А кто играет в этом квартете? — спросила я.

И вдруг поняла, что уже знаю кто! Ира, Серёжа и Оля.

Оказалось — и правда, Аня играет с моими однокурсниками!

Мы когда-то давно учились с Ирой и Серёжей, потом с Олей. А с Ирой и Серёжей даже играли трио Бетховена — почти двадцать лет назад!

И у них в программе сказки Сергея Козлова, Евгения Клюева, ещё другие... Аня читает, а мои друзья играют. Разную музыку — и совсем старинную, и современную. Ещё с ними Диана, скрипка, я с ней познакомилась позже. А тогда мне вдруг стало немного обидно. Чего они играют там... сказки с музыкой — и без меня?

Так что в самом скором времени мы стали играть вместе.

Это так удивительно — встретить старых друзей и обнаружить, что с ними так же легко и весело, как раньше! Но главное — с ними можно делать общее дело, играть «сказки с музыкой». Сначала — сказки и рассказы разных хороших писателей, даже классиков, а потом...

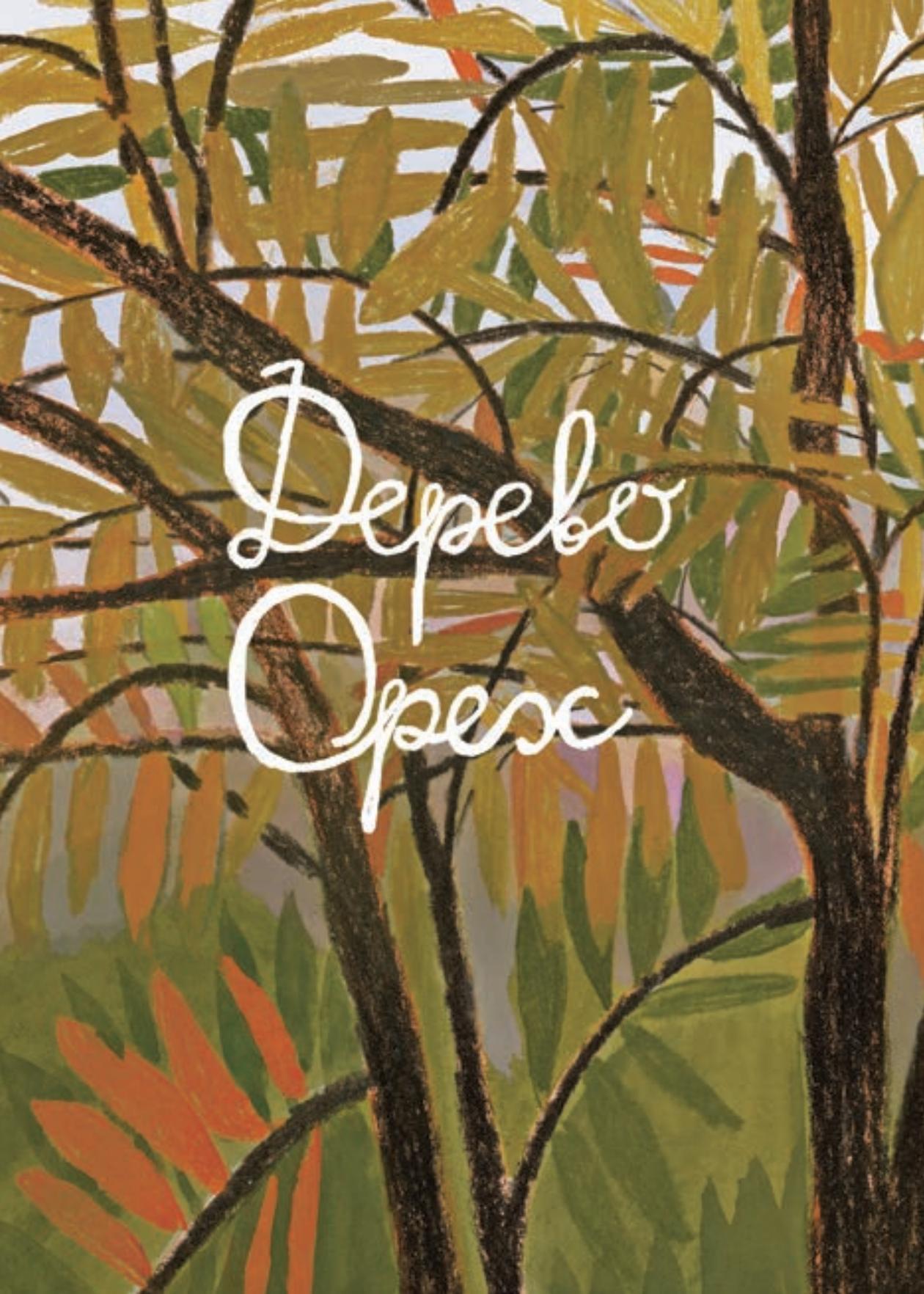
А потом Аня попросила и меня придумать истории для наших концертов. Про музыку.

Так что эти сказки сначала были написаны для сцены; и только спустя несколько лет мы решили сделать из них книгу. Вот эту, которую вы держите в руках.

Конечно, я хочу сказать огромное спасибо и Ане Куненковой-Боголюбской, и квартету имени

Ипполитова-Иванова — без них этих сказок не было бы. Отдельно поблагодарю Диану Кемальман — она в квартете обычно играет скрипку, но иногда уступает мне; а бывает, что мы играем и все впятером! И ещё хочу сказать, что Ира Грайфер не только прекрасная пианистка, но и невероятно вкусно готовит, любит собирать в своём доме гостей; а дом у неё волшебный — с роялем! Что Оля Коган — не только здорово играет на альте, но ещё и самый надёжный человек в мире. Всегда найдёт все ноты, обо всём договорится, в любое время суток придёт на помощь. А ещё Оля обожает свою собаку. А Серёжа Ананич — не только отличный виолончелист. Он может пробежать марафон, отправиться в далёкий лыжный поход, сплавляться по бурным рекам. Но самое главное — эти академические музыканты готовы отложить все свои нужные, серьёзные дела, если нам надо играть сказки. Потому что сказки — одна из самых важных вещей в мире.

Надо сказать ещё, что сказки на сцене и в книге выглядят по-разному. В спектакле или концерте, в сопровождении музыки они звучат не так, как при чтении с бумажной страницы. Чтобы составить книгу, их пришлось немного изменить. Так что в сказках появились даже новые персонажи, а к тем историям, которые уже несколько лет живут на сцене, добавилась ещё одна, сегодняшняя. Может быть, поэтому она оказалась чуть взрослее, чем другие сказки.

Depeber
Opere

В

сё было не так. Всё не то, и непонятно, как дальше. Зачем вообще надо было переезжать?

Женя шла из музыкальной школы. Из новой музыкальной школы.

Не сказать, что в старой было хорошо; а про обычную школу и говорить нечего. Везде было не очень — но, по крайней мере, Женя твёрдо знала одно: на скрипке она играть умеет. Что может — то может. И на всех отчётных концертах, на всех «мероприятиях» — разной степени дурацкости — она шла и играла. Нет, она не вундеркинд, и не так чтобы как-то блестяще получалось. Но — получалось.

Почему-то думалось, что после переезда всё станет лучше. Новая жизнь! Но пока в этой новой жизни ничего хорошего не просматривалось.

Домой идти не хотелось. Само слово «домой» казалось Жене для нового жилья неподходящим. Там вроде бы всё нормально, но... чужое. Чужие обои, чужой шкаф... и запах. Не то чтобы плохо пахнет — кажется, паркетным лаком, — даже приятно, как будто чем-то новым... но не так, как по-настоящему дома. Непривычно и неуместно.

Поэтому Женья пошла не к трамвайной остановке, а наоборот — за школу, туда, где какие-то непролазные кусты. Смело раздвигала их скрипичным футляром — вот, хотя бы какой-то толк от этой скрипки.

Там, откуда она приехала, было совершенно не с кем разговаривать. Был только старый тополь с огромным дуплом: в него можно было залезть и придумывать разные истории. Единственный друг. Но потом Женья из дупла уже выросла. Можно было, конечно, и без дупла — просто рядом постоять, погладить рукой. Но теперь и до тополя сотни километров. И ему уже никак не расскажешь всё-всё: как она надеялась, что тут, в новом городе, у неё появятся друзья. Не только среди деревьев, но и среди людей. И что в музыкальной школе сразу поймут, что она, Женья, умеет. И сразу же попросят где-то выступить — и она согласится, ей очень даже не жалко.

...Неожиданно кусты закончились, и Женья вышла на открытое, ясное пространство. Вот это да — река!

«Вот сюда и буду ходить», — подумала она пока ещё не с радостью, но с облегчением. Найти своё место — про которое будешь знать только ты; и сразу

же будет куда спрятаться от любых неприятностей. Ещё бы найти подходящее дерево — где бы лучше устроиться?

А вот!

Корявый ствол разделяется на несколько толстых сучьев, в середине — удобная развилка. Листья больше, широкие... что это? Не дуб, не берёза, не липа, не каштан. Кто?

Через минуту Женя уже сидела в развилке, надёжно устроив скрипку между нижними ветками. Гладила дерево по стволу — кора бугристая, на ней, словно на обоях в Жениной старой детской, проступали лица странных существ, силуэты фигур. Вот — слон. Самый настоящий слон, точно! А рядом — заяц пристроился, одно ухо загнул. А это кто? Крылья... дракон?..

— И всё же — что ты за дерево? — спросила Женя шёпотом.

— Орех, — услышала она тихий шелест внутри своей головы. — Грецкий.

Женя потрогала кору рукой. Интересно — дерево и правда ответило ей, или она разговаривает сама с собой?

— Орех — южное дерево, — уточнила она на всякий случай. — Тут такие не растут.

— Растут, — ответил Орех, — хотя и очень редко. Меня привезли сюда саженцем, издалека.

— Значит, ты тоже переехал, как и я? А ты помнишь, как ты был маленьким?

— Не очень. Помню только, что я не сразу прижился в этой почве и зимой было непривычно холодно — у меня отморозилась большая ветка, её пришлось

спилить. Но — оказался в целом морозоустойчив, и вот... расту. И мне даже тут нравится! Здесь река, там город... И ветром музыку доносит...

Ветка шевельнулась, конечно, от ветра, но Женя перевела за ней взгляд в сторону школы. И удивилась:

— Неужели тебе это нравится? Ведь там же дети, это музыкальная школа! Они же совершенно не умеют играть! Ну, не все, но многие.

— А ты строгая девочка. — В голосе Ореха послышалась улыбка. — Не кажется ли тебе, что ты ко всему относишься слишком серьёзно?

И тут Женю прорвало.

— Конечно серьёзно! Ты только представь — я пришла, думала, что мне дадут играть сложный концерт... а мне сказали — будешь играть в квартете. В каком ещё квартете! Ты, наверное, думаешь: как это прекрасно, играть музыку вместе. Но это совсем не то! Это не квартет, а... недоразумение! Ничего не может быть прекрасного, если тебе назначено играть с тремя мальчиками, которые... которые...

— Которые — что? — мягко спросил Орех. — Они как-то обидели тебя?

— Да не меня! Понимаешь... они совсем ничего не могут! Там такой один есть — Никита. Он совсем не умеет считать и все время глупо смеётся — хотя сам же и сбивается. Я ещё только зашла, а он сразу спрашивает: «Это ты, что ли, Женя?» — прямо вот так! А потом — на меня совсем не смотрит, упёрся в свои ноты. А как вместе начать, если не смотреть?!. Потом ещё Митя. Этот с виолончелью, он всё время фальшивит. И, кажется, злится. Вот чего злиться, если сам же и не можешь чисто сыграть?

— Ну, как, — ответил Орех. — Это как раз чаще всего. На себя и злишься, что не выходит.

— Ну да, это конечно... Но мне даже страшно с ним, понимаешь? Так смотрит... кажется, сейчас как швырнёт свой пульт с нотами — прямо в меня!

— Ладно, я понял, — сказал Орех. — Похоже, тебе и правда непросто. Ну, а кто у нас четвёртый? Квартет — это же четыре, так?